
БЕЗЛИЧНОСТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ РУССКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

ДИАНА ГАЗАРОВА

Многие исследователи отмечали, что безличность и стремление к неопределенности являются важнейшими чертами русской языковой картины мира и русского менталитета (Арутюнова Н.Д., Шмелев А.Д., Вежбицкая А. и др.).

В семантику некоторых русских конструкций (не только безличных) входит представление, согласно которому то, что произошло с человеком, хотя бы и выглядело как его собственное действие, случилось как бы само собою, помимо его воли, так что конечный результат от него не зависел. Это представление может быть причислено к числу сквозных мотивов русской языковой картины мира¹.

Так, носители русского языка часто говорят что-нибудь вроде: *У нас появилась стиральная машина* – вместо того чтобы сказать: *Мы купили стиральную машину* (пример Анны Зализняк)².

Если мы сравним те же конструкции в английском и армянском, то здесь у нас обязательно будет указан субъект и его действие: *У нас появилась машина* - *We bought a car, Մենք գնեցինք մեքենա*: Можно сказать, что здесь позиция субъекта не опускается, его роль не принижается, в отличие от русского эквивалента, здесь отмечено не абстрактное, неопределенное «у нас появилась», а вполне конкретное действие: «купили».

Как отмечала еще А. Вежбицкая, данные синтаксической типологии говорят о том, что существуют два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, ‘что делаю я’, т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, ‘что случится со мной’, следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациенсом) ориентации. Языки значительно различаются по тому, какое место занимает в них элемент ‘бессилия’³.

Мы можем утверждать, что в русском языке преобладает пациентивная ориентация в противовес агентивной ориентации армянского и английского языков. Вспомним и «притерпелость», о которой писал Е. Евту-

---

¹ См.: Шмелев А.Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Зализняк Анна А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., Языки славянской культуры, 2005, с. 455.

² Там же.

³ См.: Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., Русские словари, 1996, с. 55.

шенко, «это русским русское, трагически емкое слово»⁴.

Английский язык обычно представляет все жизненные события, происходящие с нами, так, как будто все наши ожидания и надежды находятся под нашим контролем; даже ограничения и вынужденные действия представлены в нем именно с такой точки зрения. В русском языке мы тоже иногда сталкиваемся с подобным выражением смыслов долженствования и невозможности, по-русски вполне допустимо, например, сказать *Я должен это сделать* или *Я не могу это сделать*⁵.

То же самое мы можем сказать и об армянском языке. Здесь также всегда присутствует субъект как контролирующий происходящее. Это обусловлено и самим строением языка: «В отличие от русского глагола, армянский глагол не строит ни одной временной формы без показателя лица»⁶.

Для русского же языка куда более типичны конструкции, субъект которых (в форме датива) представлен как неконтролирующий происходящие события, «именно они в значительной степени определяют колорит подлинно русской речи»⁷.

В армянском и английском языках субъект как раз контролирует события и не снимает с себя ответственности за происходящее.

Его указывает в самолете. – Ինքնաթիռում նա իրեն վառ է գրվւմ:
Меня знобит. – Եւ լրնշգնւմ էմ: (примеры Р. Тер-Аракелян)⁸.

Как отмечает Р. Тер-Аракелян, в армянском языке возможны двухкомпонентные предложения, но они «нетипичны для армянского языка и за редким исключением воспринимаются как стилистически маркированные и несколько искусственные»⁹.

В русском же языке подобные конструкции весьма частотны. Можно сказать, что это связано и с представлениями о «загадочной русской душе».

Как отмечает А. Вежбицкая, в агентивности нет ничего загадочного: если человек что-то делает и из-за этого происходят какие-то события, то все представляется вполне ясным; загадочными и непостижимыми предстают те вещи вокруг и внутри нас, появление на свет которых вызвано действием таинственных сил природы¹⁰.

Сравним, например, следующие предложения: *Его переехало трамваем; Его убило молнией*. В этих конструкциях непосредственная причина событий – трамвай или молния – изображена так, как если бы она была

⁴ Евтушенко Е.А. Притерпелость. Литературная газета. 11 мая 1988 г. <http://www.agitclub.ru/gorby/ussr/ussrevtusenko.htm>

⁵ См.: Вежбицкая А., указ. соч., с. 56.

⁶ Маркарян Р.А. Очерк русской морфологии в сопоставлении с армянской. Ер., изд. ЕГУ, 2007, с. 128.

⁷ См.: Вежбицкая А., указ. соч., с. 59.

⁸ Тер-Аракелян Р.А. Простое предложение в русском и армянском языках. Ер., «Луйс», 1982, с. 108.

⁹ Там же, с. 113-114.

¹⁰ См.: Вежбицкая А. указ. соч., с. 76.

«инструментом» некоей неизвестной силы. «Здесь нет ярко выраженного субъекта, глагол стоит в безличной форме среднего рода («безличной», потому что она не может сочетаться с лицом в функции субъекта), а незаполненная позиция субъекта свидетельствует о том, что настоящая, «высшая» причина события не познана и непознаваема»¹¹.

*Весь этот жестяной самолет **трясло**, словно малярийника при лихорадке* (В. Быков).

*Более легкие пивные банки **сносило** потоком воздуха, и они обычно не отлетали от вагонов так далеко* (В. Пелевин).

*В ноябре машину **засыпало** снегом* (С. Довлатов).

Г. Золотова называет подобные конструкции специфической русской моделью с субъектом – стихийным каузатором. «Личный субъект инволютивного состояния в вин. или дат. падеже предстает в них объектом благоприятного или неблагоприятного воздействия какой-то «неведомой силы», судьбы, рока, обстоятельств»¹²:

Волны унесли лодку – Волнами унесло лодку.

В этом аспекте интересен следующий пример, где в случае стихийной причины используется безличная конструкция, а в случае с другими – стихийными – каузаторами уже употреблено двусоставное предложение:

*Газету **могло** скомкать, ветром в кучу собрать, дождями вымочить, либо собаки, либо скотина рылом ее смяла...* (В. Астафьев)

Таким образом, безличные формы глаголов указывают на инволютивное состояние субъекта, отсутствие с его стороны контроля над происходящим и даже снятия с себя ответственности за те или иные явления, события, действия. Русский язык предоставляет множество «возможностей снять с себя ответственность»¹³.

Рассмотрим наиболее распространенные конструкции с данным значением, в частности, с субъектом в форме дательного падежа.

Датив + необходимо, следует, нужно

На первый взгляд кажется, что нет принципиальной разницы между *Мне нужно уехать* и *Я должен уехать*. Однако в конструкциях второго типа акцентируется идея личной ответственности, а в конструкциях первого типа – невозможность говорящего поступить по-другому, его зависимость от обстоятельств, других людей, внешних и внутренних факторов, самых разнообразных, но при этом здесь отсутствует главный фактор – взятие говорящим на себя ответственности за сделанный выбор.

¹¹ Там же, с. 73.

¹² Золотова Г.А. Понятие личности/безличности и его интерпретации // Russian linguistics. International Journal for the Study of the Russian Language. Volume 24, No 2, July 2000, p. 110.

¹³ Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. Отражение «национального характера» в лексике русского языка // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М., Языки славянской культуры, 2005, с. 310.

В связи с этой ответственностью приведем историю, изложенную в статье Левона Мкртчяна. «Говорят, дочь Вяч. Иванова спросила отца, мог ли Бог создать такой камень, который бы он сам не смог поднять? Вяч. Иванов ответил, что Бог создал такой камень, который не может поднять. Это свобода, дарованная им человеку»¹⁴. И действительно, выбор и свобода выбора – это самое сложное, что было дано человеку. Нам гораздо легче совершать те или иные поступки, когда у нас нет другого выбора – это такое беспронимательное оправдание всех наших действий и не-действий. И, конечно, это не может не быть отражено в языке.

Поэтому, как нам кажется, русский человек предпочтет сказать *Мне нужно*, а не *Я должен*. К тому же, во второй конструкции содержится и негативный оттенок: мы не любим, когда мы кому-нибудь что-либо должны. А вот *Мне необходимо*, *мне нужно* и даже *мне следует* звучит менее категорично и менее ответственно. Во всех подобных конструкциях, на наш взгляд, подчеркивается зависимость человека от самых разных факторов и менее всего – от собственной воли.

В армянском же и английском языках субъект остается активным, выражается лишь различная степень категоричности, вынужденности и необходимости действия, ср.: *I have to* (*Я должен, Мне нужно*), *I should* (*Мне следует*), *Ես պիտի է* (*Мне нужно, я должен*). Фактически в русском языке субъект минимизирует свою роль и значимость, а в английском и армянском субъект даже при вынужденных ограничениях и обязанностях представляет происходящее как свое волевое решение. Да, это подчинение обстоятельствам, но выбор (осознанный) – за субъектом. Степень его участия в событии, в происходящем не принижается, не сводится к нулю, ему не приписывается статус жертвы, в отличие от ситуации в русском языке.

Датив + удалось

В подобных конструкциях, с одной стороны, подчеркивается, что говорящий поступил так или иначе в силу обстоятельств, принижается степень его ответственности, а с другой стороны – как раз наоборот, подчеркиваются заслуги говорящего, которому *удалось* что-то сделать, несмотря на силу обстоятельств, мешающих осуществлению тех или иных действий.

Ей удалось приехать в Москву на выходные.

В течение года ему удалось напечатать семь рассказов и повесть (С. Довлатов).

Мне было пятнадцать лет, и бабушке удалось меня удочерить (Л. Улицкая).

Он плакал обо всех тех, кого ему не удалось спасти (Е. Водолазкин).

Мы можем предположить, что *удалось* содержит в себе и фаталистический момент.

---

¹⁴ Мкртчян Л.М. Дьявол все еще искушает нас // Слепой, но не настолько. Ер., 1998, с. 285-286.

Если в случае с *мне необходимо, мне нужно* подчеркивается власть обстоятельств, то в этих конструкциях акцентируется как раз возможность их преодолеть, однако при этом преодоление не является чем-то закономерным и, так сказать, прямо пропорциональным усилиям говорящего, обстоятельства преодолеваются волей случая, именно поэтому – *удалось, а не я смог, сумел, я сделал*.

Мне удалось достать билеты на концерт.

Если в подобных конструкциях мы заменим «удалось» на «сумел», то здесь уже будет акцентироваться идея личной ответственности¹⁵.

Сравним следующий пример:

Видно, надеялась, что сын за неё сделает то, что ей не удалось (И. Грекова).

Данный пример наглядно демонстрирует различную степень ответственности за происходящее и уверенность в том, что сын обладает достаточной волей и возможностями, чтобы не просто преодолеть обстоятельства, а проявить свою волю и сделать что-то.

В английском языке как раз акцентируются заслуги говорящего:

Ей удалось приехать в Москву. – She managed to come to Moscow.

Мне удалось его убедить. – I have succeeded in persuading him.

Как мы видим, в английской языковой картине мира успех зависит не от обстоятельств, а от воли человека (human will).

В армянском языке, как и в русском, подчеркивается воля случая:

Բնշպէս ձեզ հաջողվեց բռնորհն համոզել, որ Սանաւարը վերադարձել է (Վ. Գրիգորյան):

Վերջապէս մերս ու տատիկիս հաջողվեց ինձ վեր հացնել (Ն. Զարյան):

Աշխատեցինք և ձեզ հաջողվեց գտնելու (Ա. Շիրվանզադէ):

Воля случая подтверждается и этимологией данного глагола, его толкованием: в толковом словаре Э. Агаяна в качестве синонима к глаголу *հաջողվել* дано сочетание բախտը բերել¹⁶.

Таким образом, в конструкциях с *удалось* подчеркивается власть обстоятельств, но, тем не менее, эти обстоятельства могут быть преодолены.

Датив + повезло

В данных конструкциях показано, что «с человеком произошло нечто хорошее, при этом произошло как бы само собой, т.е. не благодаря его усилиям»¹⁷.

«Слово *повезло* входит в круг понятий, существенных для русской языковой картины мира. Это понятия *судьба, участь, доля, удача, счастливый случай*, а также *авось*, объединяемые идеей некой иррациональной силы, которая вмешивается в жизнь человека»¹⁸.

¹⁵ См.: Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. указ. соч., с. 316.

¹⁶ Աղաւան Է. Բ. Արդի հայերենի բացատրական բառարան: Եր., 1976 թ., հ. 1, էջ 827:

¹⁷ См.: Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. указ. соч., с. 325.

¹⁸ Там же, с. 329.

Еле успеваем на трамвай. **Повезло**, даже два места свободных рядом. Пока добежали, успели отморозить щеки – онемели (М. Шишкин).

Некоторых разместили в санатории, а Ирине **повезло**: ее поселили в новом доме из красного кирпича, который недавно выстроили для obsługi санатория (В. Токарева).

Повезло нам с погодой (Д. Глуховский).

Обстоятельства как бы отступали перед его натурой. **Повезло** и в науке (Д. Гранин).

Во всех приведенных примерах так же подчеркивается сила обстоятельств, но в отличие от предыдущих конструкций (удалось, необходимо и т.д.) здесь эти обстоятельства невозможно преодолеть благодаря усилиям говорящего. Это именно воля случая, так сложились обстоятельства. Говорящий намеренно и ненамеренно снижает степень своего участия в происходящем. И потому речь, конечно, чаще всего идет о внешних обстоятельствах, не поддающихся влиянию и воздействию со стороны человека: погода и т.д.

Но – что интересно – даже тогда, когда речь идет исключительно о заслугах субъекта, в русском языке все равно предпочтительнее использование **повезло**. Сравним:

Ему больше **повезло**, чем другим, хотя бы потому, что он довольно легко изъяснялся по-английски (В. Аксенов).

Здесь, как мы видим, и речи нет о некоей иррациональной силе, наоборот, указаны вполне конкретные человеческие заслуги (знание иностранного языка), но и это подается в аспекте счастливого случая, скорей всего подчеркивается тот факт, что субъект изучал английский и прилагал усилия не для этой конкретной цели, и именно поэтому ему – **повезло**. Т.е. **повезло** подчеркивает отсутствие целенаправленных усилий, фактически когда-то были применены усилия, английский язык был выучен, но поскольку это действие было выполнено в других целях, то усилия как бы обесцениваются и возвышается роль обстоятельств, случая.

Ему очень **повезло**, что приехал Потапов, который отвлек на себя внимание присутствующих (Т. Устинова).

Стреляя в вас, он попал в нее. Вам сильно **повезло** (Л. Юзефович).

Можно сказать, что *Мне повезло* означает, что события повернулись так, «как если бы некая сила действовала с целью помочь мне. При этом употребляя слово *повезло*, человек, при общей рационалистической установке, не обязательно буквально подразумевает действие некоторой сверхъестественной силы – он может иметь в виду просто игру случая»¹⁹.

Если мы сравним с армянским языком, то и тут акцентируется эта игра, случай: բախտը բերեց:

Բախտը բերեց էս այդ ճանիմն ուղրին հայտնվեցի, և գնուլ եւ էլի

¹⁹ Там же.

վի փոքր անաջ շարժվել՝ տեսնելու համար ավարտուն Կասկադը,
Հյուսիսային պողոտան, Պետական թանգարանի անջնի թափուր
տեղերը՝ քանդակներով լեցուն... (Վ. Գրիգորյան)

Պարզապես **բախտը բերեց**, որ չղիպավ, փշուր-փշուր եղավ պատի
վրա (Վ. Գրիգորյան):

Этот тип конструкций совпадает во всех трех языках, везде подчеркивается игра случая, роль обстоятельств. Ср. в английском:

Ему во всем везет – He is lucky in everything.

Тебе повезло, что его здесь нет. – You are lucky that he is not here.

Интересно, что слово *lucky* этимологически восходит к «счастью, случаю»: from early Middle Dutch *luc*, shortening of *gheluc* «happiness, good fortune» a word of unknown origin²⁰. И «в традиционной русской языковой картине мира *счастье* понимается как везение, когда *счастливо* складываются обстоятельства»²¹.

Итак, в конструкциях с *повезло* и их эквивалентах в армянском и английском подчеркивается воля случая, действие какой-то силы, как правило, иррациональной.

Датив + глагол

Отсутствие воли субъекта в происходящем отражается и в безличных конструкциях типа *Датив + глагол*.

Мне не поется, мне не работается, мне не спится, мне не хочется и др.

Лег, прочитал на ночь молитву, а все не спится – и вот опять зажег свет и пишу тебе (М. Шишкин).

В этой тетради сорок третьего года нет ни строчки о настоящем времени – как работается и учится, как живется (Д. Каралис).

Чего тебе здесь-то не сидится? – *Да вот не сидится* (В. Астафьев).

Когда я не молчу, мне лучше думается (М. Петросян).

Как отмечает Г. Золотова, в данных конструкциях речь идет не о действии, а о состоянии субъекта, и «состояние может быть и произвольным»²².

В подобных конструкциях состояние субъекта представлено как инволюнтное. Т.е. подчеркиваются не усилия субъекта, а как раз отсутствие каких-либо волевых действий.

Г. Золотова отмечала, что в безличных предложениях нет склонности к фатализму и смирению. Указав на многообразие безличных моделей, Золотова пишет: «Перед говорящим – осознанный или интуитивный, – но в ы б о р из множества средств. Там, где выбор, возможность и необходимость выбора, – там требуется и обнаруживается речемыслительная актив-

²⁰ Online etymology dictionary. - https://www.etymonline.com/word/luck?ref=etymonline_crossreference#etymonline_v_14580

²¹ См.: Шмелев А.Д. указ. соч., с. 458.

²² См.: Золотова Г.А. указ. соч., с. 109.

ность говорящего»²³. Мы позволим себе не согласиться с уважаемым и авторитетным ученым, поскольку, имея возможность выбора, говорящий (русскоязычный) выбирает, предпочитает именно пассивные конструкции, полуактивные. И, как нам кажется, этот выбор не случаен. Сравним *Я хочу* и *Мне хочется*. Во втором случае говорящий как бы не осмеливается полностью назвать, описать свои чувства и представляет их как состояние, кем-то или чем-то обусловленное. Себя же субъект представляет если не в роли жертвы, то подчиняющимся какому-то влечению, неведомой силе, снижает свою роль, намеренно и/или ненамеренно. И, конечно же, *мне не работается* звучит гораздо менее безответственно и менее категорично, чем *Я не хочу/не могу работать*.

В армянском языке значение желания, не совсем контролируемого говорящим, передается выражением *սիրտու ուզում է* (сердце хочет), ср.:

Սիրտու ուզում էր, եկաւ, տեսաւ, դա ի նչ մեղք է, որ դրա պատճառով այդքան ինձ չարչարում էր (Ա. Շիրվանզադէ):

Ես ոչինչ չեմ կամենում, այնպես, սիրտու ուզեց, եկա (Ա. Զորյան):

Հիմա այնպիսի տարօրինակ ուսեղիքներ է սիրտու ուզում, որ քաղաքում ապրող ընտանիքիս անդամները հազիվ են գուցում իրենց տեսանկյունը, ասենք ձերով տապալած ավելուկ, քացախով փիփերթ, մանավանդ ձավարով քաշովի՝ աղի կողակը վրան... (Վ. Անանյան)

Т.е. инволютивность здесь как раз подчеркивается отнесением своего желания не к сфере разумного, а к сфере эмоционального, поэтому – *սիրտու* (сердце). Сравним невозможность подобных конструкций в рациональном английском языке. Как писал И. Бродский, «Чем английский отличается от других языков? По-русски, по-итальянски или по-немецки вы можете написать фразу – и она вам будет нравиться. Да? То есть первое, что вам будет бросаться в глаза, – это привлекательность фразы, ее закрученность, элегантность. Есть ли в ней смысл – это уже не столь важно и ясно, это отходит на второй план. В то время как в английском языке вам тотчас же ясно, имеет ли написанное смысл»²⁴.

В русском же языке конструкции с дативом и глаголом вполне гармоничны. Приведем в связи с этим слова Н. Д. Арутюновой о том, что в подобных конструкциях отражается определенная жизненная позиция человека – «его стремление согласовывать свои действия с течением жизни: жить, как живется, делать то, что делается, стрелять, когда стреляется, пить, когда пьется, не строить, когда не строится, не думать, когда не думается»²⁵.

Далее Н. Арутюнова цитирует В. Бахревского, охарактеризовавшего стихийный характер русской действительности: «Всякое дело русский

²³ Там же, с. 113.

²⁴ Волков С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М., Эксмо, 2012, с. 170.

²⁵ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., Языки русской культуры, 1999, с. 807.

человек начинал с молитвы, а помолясь, *жил, как живет*, строил и сокрушал... как в груди *пыхнет*. Народ, живущий сердцем – народ жизненной стихии»²⁶.

Что касается армянского языка, то, по свидетельству М. Абегамяна, «в армянском языке безличные (бесподлежащие) предложения малоупотребительны, они часто заменяются соответствующими по значению личными предложениями, которые, однако, отличаются от безличных тонкими оттенками значений»²⁷.

Русские безличные предложения с глаголами на *-ся* соотносятся с армянскими предложениями с глаголом страдательного залога с суффиксом *-վ*. «Однако следует иметь в виду семантические различия между этими структурно сходными конструкциями: в армянском языке такие предложения мыслятся как обобщенно-безличные, т.е. выражаемое ими действие не может быть приписано конкретному субъекту:

Նրա հետ չի խոսվում (= С ним невозможно разговаривать)»²⁸.

И – что интересно – очень часто подобные конструкции могут быть переведены на русский неопределенно-личными конструкциями, ср.:

Հինգերորդ կատեգորիայի գազաթի նվաճումը մնում է պատմության մեջ, որա մասին ասվում, խոսվում, գրվում է ամենուր (Գ. Գուրգաշյան):

Ամեն բան էլ խոսվում, ասվում է. պետք է հավատա՞նք (Դ. Դեմիրճյան):

Բաներ կան, որ չեն ասվում, - ամաչելով ու ձայնն իջեցնելով պատասխանեց Սեյրանը (Հ. Վարդույան):

Как отмечает Р. Тер-Аракелян, обобщенно-безличный характер армянских конструкций допускает их трансформацию в формально-личное двусоставное предложение с десемантизированным подлежащим *մարդ* (человек):

*Այս անձրևին կգնացվի՞ - Մարդ այս անձրևին կգնա՞*²⁹:

Ավելի լավ չի՞ լինի մարդ գերի ընկնի, բայց հետո ամեն ինչ անի, որ փախչի. . . (Շ. Թաթևյան)

Մարդ այդքան էլ վախկոտի մեկը կլինի՞ : (Ս. Խանգաշյան)

Как видно, эти конструкции вопросительные, даже риторически-вопросительные, что подтверждает, на наш взгляд, именно обобщенно-личный характер данных конструкций, субъект не важен: его действия типизируются и обобщаются, т.е. могут быть применимы к любому субъекту.

При переводе на русский в данных конструкциях уместен инфинитив, который также подчеркивает бессубъектность, обезличенность действия (*Лучше попасть в плен, но потом сделать все, чтобы сбежать, Разве*

²⁶ Там же.

²⁷ Цитируется по: Тер-Аракелян Р.А. указ. соч., с. 58.

²⁸ Там же, с. 59.

²⁹ Там же, с. 59-60.

можно быть таким трусом?)).

Таким образом, рассмотрев некоторые конструкции с субъектом, выраженным в форме датива, мы пришли к выводу о том, что безличность является характерной чертой русской языковой картины мира и ментальности. Субъект в русских предложениях в большинстве своем представлен пассивно, как не контролирующей происходящее, а подчиняющийся какой-то неведомой, иррациональной силе, воле обстоятельств, которые, если и бывают преодолены, то прежде всего благодаря воле случая, а не личным заслугам говорящего. Конечно, мы не утверждаем, что рассмотренные конструкции свидетельствуют о безответственном подходе русских и русскоговорящих, нет: мы лишь делаем предположение о том, что в русской языковой картине мира субъект стремится представить себя частью мироздания, не всегда поддающегося контролю и объяснению.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, датив, безличность, стихийность, инволюнтивность

ԴԻԱՆԱ ԳԱԶԱՐՈՎԱ – Անդեմությունը որպես ռուսական մտածողության արտացոլում. – Հոդվածում դիտարկվում են ռուսերենի որոշ կառույցներ, որոնցում սուբյեկտը ներկայացված է որպես իրավիճակին չսիրապետող, ինչ-որ իրացիոնալ ուժի, հանգամանքների ենթարկվող: Համեմատելով այդ իմաստները հայերենի և անգլերենի հետ՝ հեղինակը եզրակացնում է, որ անդեմությունը բնորոշ է ռուս լեզվամտածողությանը:

Բանալի բառեր – ռուսական աշխարհի լեզվական պատկեր, տրական հոլով, անդեմություն, ինքնարոխություն, դժկամություն

DIANA GAZAROVA – Impersonality as reflection of Russian mentality. – The article is devoted to the some Russian constructions, where the subject is presented as non-controlling the situation, obeying to some irrational force, circumstances. After comparing these meanings with Armenian and English constructions we suppose that impersonality can be considered as the characteristics of Russian linguoculture.

Key words – Russian language picture, dativ, impersonality, spontaneity, involuntariness